

Жун Чаншэн был полностью с этим согласен. Несмотря на то что Ди Ло выглядела худенькой, щуплой и весьма утонченной, она обладала поразительной выносливостью. Даже взрослые мужики из их отряда не могли похвастаться тем, что каждое утро без исключения выходят на пробежку, а Ди Ло держалась стойко — с самого первого дня она не пропустила ни единого раза. Глядя на такую железную волю, никто из наглецов не решался ее задирать.

— Раз никто не смеет тебя обижать — уже хорошо. Я тут услышал, что ты по ночам лунатишь, забеспокоился и решил поведать. Ах да, твой брат Шисань тоже переживал, всё подгонял меня, чтобы я заглянул к тебе.

— Кто за него переживал? Кто переживал? Старший брат Чаншэн, не болтай ерунды!

Не успел Жун Чаншэн договорить, как из темноты позади него выскочил человек. Чжао Шисань с покрасневшим лицом и сердитым видом выкрикнул это, а затем, чувствуя себя неловко, потер кончик носа. Он не смотрел на Ди Ло, уставился в небо и отрывисто бросил:

— Ли Аньшань сказал, что ты лунатишь. Что за дела? Мы с тобой столько дней спим в одной казарме, почему я ничего об этом не знаю?!

Ди Ло: ...

Тьфу, ну и сказанул! Смысл двусмысленный. Если бы она сейчас не была девушкой, переодетой в солдата, то после таких слов о том, кто с кем спит, ее репутация была бы окончательно погублена.

Ди Ло глубоко вдохнула, ровно выдохнула и с праведным гневом ответила:

— Кто тебе сказал, что я луначу? Не смей меня, небось Ли Аньшань? Вечно он несет всякую чушь. Я просто не хочу с ним разговаривать, а вчера ночью, когда не мог уснуть, он взял и разболтал всем, будто я луначу. Ты погоди, настанет день — я его обязательно проучу, причем при всех, открыто!

Ли Аньшань, прятавшийся позади, услышав такое, пришел в негодование. Ему очень хотелось выйти и возразить, но, увидев здоровяка Жун Чаншэна, он позорно струсил.

А когда до него долетели слова Ди Ло о том, что она собирается проучить его при всех, он сжал кулаки и в сердцах выругался про себя: «Ты хочешь? Я тоже хочу! Ну, погоди, мы еще поквитаемся открыто».

Недоразумение разрешилось, и Жун Чаншэн успокоился. Он внимательно оглядел лицо Ди Ло и с легким сожалением махнул рукой:

— Ладно, раз всё в порядке, возвращайся. Иди приводи себя в порядок, скоро начнут бить в

колотушку — пора спать.

После сигнала к отбою разгуливать по лагерю было запрещено.

Ди Ло согласно кивнула:

— Не волнуйся, старший брат Чаншэн, я живучая, как мелкий жучок. У меня судьба крепкая.

— Тьфу, тьфу, тьфу! Что за глупости ты мелешь? Ступай уже.

Жун Чаншэн грозно зыркнул на болтливую Ди Ло, потянул за собой Чжао Шисаня, и они ушли.

Ди Ло проводила их взглядом, чувствуя тепло на душе. Те, кто действительно заботится о тебе, не ограничиваются лишь пустыми словами. Она была искренне рада, что нашла здесь настоящих друзей. Хотя ее не покидал страх, что правда об ее личности вскроется, человек — существо общественное, и в одиночку нигде не выжить. Приходится действовать по обстоятельствам.

— Ди Ло, пойдем. Если тебе по ночам спится беспокойно, можешь поменяться местами с парнем рядом со мной. Он сговорчивый, на такие вещи внимания не обращает, да и человек хороший. Перебирайся ко мне, я смогу присматривать за тобой, чтобы никто больше не болтал, будто ты лунатишь.

Цянь У выразительно покосился на Ли Аньшаня, который наострил уши, подслушивая их разговор, и пренебрежительно фыркнул — его отношение к нему было более чем очевидно.

— Не нужно.

Ди Ло покачала головой. Она ценила его доброту, но не могла согласиться. Если она переселится, не покажет ли это, что она испугалась? К тому же, если она действительно лунатит, какая разница? Она всё равно остается в этой казарме, и в какой бы угол она ни забилась, от судьбы не уйдешь.

— Ну ладно, раз не хочешь — как знаешь.

Цянь У пожал плечами, не обидевшись на отказ.

Они вернулись в казарму, привели в порядок одежду, умылись, помыли ноги. Как раз в этот момент снаружи раздался звук ночного дозора. Солдаты ловко запрыгнули на каны, укрылись одеялами, и уже через мгновение по комнате разнесся разноголосый храп.

Ди Ло плотно закуталась в свое одеяло, подоткнув края под ноги и под спину. По ночам стало холодать, разница температур между днем и ночью была ощутимой, а дров в казарме давали мало. Первую половину ночи еще сохранялось тепло, а под утро становилось зябко. Если бы не условия, она бы с головой зарылась в одеяло, не оставив снаружи даже носа.

До того как пойти в армию, она жила дома, где температура круглый год была как весной. Здесь же ее хрупкое тело никак не могло привыкнуть к местному климату.

Размышляя об этом, Ди Ло неловко повернулась и случайно надела на рану на спине. Она невольно охнула, с трудом сдерживая стон. Протянув руку под одеяло, она ощупала полосы на спине — от прикосновения всё горело и саднило. Она не видела раны, но знала, что там наверняка кровь.

Ощупывая спину, она мысленно ворчала: этот Ди Цзю — настоящий тиран! Сказал бить — и ударил, даже не предупредил, никакой человечности.

Бить — значит учить. Это правило Ди Фэн с детства вдалбливал Ди Цзю, да и сам он прошел через то же самое. Бывало, после таких тренировок несколько дней с кровати встать не мог. А Ди Ло получила всего несколько ударов — и уже жалуется на жизнь? Если так, то лучше вообще не тренироваться, чтобы не позорить его мастерство.

Хотя в глубине души Ди Цзю было не по себе, и рука порой не поднималась, он понимал: если пожалеет ее сейчас, то на поле боя она не будет знать, как спастись. Поэтому строгость сейчас — это проявление заботы.

С такими мыслями Ди Цзю, стиснув зубы, в последующие дни тренировал Ди Ло до изнеможения, и при малейшей ошибке в ход шла ивовая розга. Ди Ло каждый день ходила с красными глазами. Чжао Шисань думал, что она скучает по дому, и не знал, как утешить. Подумав, он решил последовать совету Жун Чаншэна: не спрашивать, не смотреть и делать вид, что ничего не происходит, чтобы не смущать ее.

Чжао Шисань ни о чем не догадывался, но Ли Аньшань, спавший с ней бок о бок, начал сомневаться. А всё потому, что Ди Ло каждую ночь спала на животе, а среди ночи тихо всхлипывала. Раньше, подозревая ее в лунатизме, Ли Аньшань спал чутко, желая поймать ее с поличным. Но когда он, воодушевленный, открывал глаза, то видел лишь, как Ди Ло, уткнувшись в подушку, что-то бормочет. Прислушавшись, он разбирал: больно, как же больно.

Ли Аньшань был в полном недоумении. Они каждое утро добросовестно выполняли все задания. Генерал Цинь, хоть и презирал их, не был склонен придирается без повода. Честно говоря, кроме того одного раза, когда их наказали палками, физических наказаний больше не было. Так почему же Ди Ло жалуется на боль?

Как он ни ломал голову, ответа не находил. В итоге Ли Аньшань перестал спать, сел на кане и, прищутив глазки, начал следить за Ди Ло, включив режим сыщика. И надо же, он действительно кое-что выследил.

Каждый день во время послеобеденного отдыха Ди Ло куда-то исчезала. Раньше он не обращал на это внимания, но теперь стало ясно: именно в это время она чем-то занимается.

Хочешь знать, что она делает? Проще простого — проследи.

Ли Аньшань, полный мыслей, вскоре уснул, но сон был беспокойным. Еще до рассвета, когда вокруг раздалось шуршание одежды, он, несмотря на то что глаза слипались, заставил себя проснуться и сел на кане. Но пока он боролся с желанием остаться в тепле, Ди Ло уже ловко оделась и вышла.

Ли Аньшань посидел в растерянности, размышляя, как этот парень может так рано вставать, если ночью не высыпается, а затем поспешно оделся и спрыгнул с кана. Снаружи было невыносимо холодно. В ту же секунду, как он вышел, Ли Аньшань громко чихнул, его пробрала дрожь, и он, втянув голову в плечи, побежал в сторону плаца. Бег — лучший способ согреться.

Добравшись до плаца, Ли Аньшань остановился у края дорожки и замолчал. Ди Ло, несмотря на то что небо еще не посветлело, уже вовсю разминалась и бегала. Раньше они говорили, что Ди Ло просто притворяется, что ее хрупкое тело — лишь способ пустить пыль в глаза генералу, чтобы потом отсидеться в тылу. Но реальность отвесила ему пощечину. Слова Ди Ло, сказанные Жун Чаншэну, всё еще звучали в ушах: Я пришла сюда ради поля боя...

Ли Аньшань почувствовал стыд. Такой утонченный человек так старается, а он, раз уж попал на войну, должен смириться с судьбой. Если не прикладывать усилий, то когда начнется настоящая война, он сам себя погубит. Подумав об этом, Ли Аньшань от души потянулся и побежал следом.

Ди Ло, заметив человека позади, удивилась. Что это с Ли Аньшанем? Раньше его до самого сигнала колотушки было не добудиться, а сегодня он и встал рано, и на пробежку вышел. Она с изумлением посмотрела на восточный горизонт, где небо начинало светлеть, и подумала: неужели солнце взошло на западе?

В тот день Ли Аньшань не сводил с Ди Ло глаз. Особенно когда обнаружил ее тайные тренировки после обеда. Увидев, как Ди Цзю полощет спину Ди Ло ивовой розгой, Ли Аньшань почувствовал, как к глазам подступили слезы.

Он слышал слухи о Ди Ло: семья разорилась, и теперь она из последних сил тренируется, чтобы выжить на войне. Ее хлестали так, что слышался свист рассекаемого воздуха, а она даже бровью не повела, принимая удары с каменным лицом. Такая Ди Ло вызывала у Ли Аньшаня

невольное уважение. Ему стало стыдно за то, что он распускал о ней сплетни. Из-за его слов все в лагере новобранцев решили, что Ди Ло попала сюда «по блату». Ведь она была такой изящной, с белоснежной кожей, которая не загорала, сколько бы ни была на солнце. Если бы она надела женское платье, никто бы не усомнился, что она девушка.

Ли Аньшань долго смотрел, наконец, глубоко вздохнул и тихо ушел. Когда его фигура скрылась вдаль, Ди Цзю равнодушно бросил взгляд в ту сторону:

— Ушел.

Ди Ло, застывшая в одной позе уже полчаса, с покрасневшим лицом выдохнула:

— Ох.

Ди Цзю взмахнул розгой и, глянув на нее, спросил:

— Что, поссорились или подрались? Зачем он за тобой увязался?

Ди Ло: ...Не знаю, он весь день какой-то странный, не обращай внимания. Но, брат Цзю, нас раскрыли.

— Ну и что, что раскрыли? Главное — хочу ли я учить.

Ди Цзю безразлично хмыкнул и, не успела она ответить, снова ударил розгой:

— Неверно, повтори.

— Ссс!

Ди Ло от боли дернулась, но, не проронив ни звука, вернулась в исходную позицию.

Ди Цзю продолжал ворчать:

— Ты должна держать позу дольше. Когда привыкнешь, это станет твоим рефлексом, отпечатается в костях, и ты никогда не забудешь. Когда это войдет в привычку, любое упражнение будет даваться легко, и мне не придется переживать, что с тобой что-то случится.

Говоря это, Ди Цзю сел на землю, подпер подбородок рукой и, внимательно глядя на Ди Ло, тихо вздохнул:

— Лишь надеюсь, что ты не будешь винить меня за сегодняшнюю строгость. Я тоже не хочу тебя бить, но...

Остальные слова потонули в глубоком вздохе. Ди Ло с удивлением посмотрела на необычное поведение Ди Цзю:

— Что случилось? Что-то произошло?

В глазах Ди Цзю читались жалость и бессилие.

— Ничего особенного.

Он устало покачал головой, сменил позу, подперев подбородок другой рукой, и произнес почти равнодушно:

— Переговоры провалились. Несколько дней назад Цзиньцян прислал послов к нашему императору, но они не договорились. Император в ярости приказал казнить посла.

Ди Ло замерла, закусив губу. Ди Цзю продолжил:

— Война на границе неизбежна. Боюсь, теперь спокойной жизни точно не будет.

Две страны воюют, но гонца не казнят. Видимо, император Цзинь не стал ждать, да и Цзиньцян давно к этому готовился. Наконец, война началась.

Ди Ло с холодным блеском в глазах подняла голову, глядя на солнце, которое уже клонилось к закату. Она крепко сжала кулаки — этого дня она ждала очень долго.

Две страны воюют, но гонца не казнят. Но император Цзинь не только казнил его, но и торжественно приказал выставить голову посла на городских воротах для устрашения.

Последние дни при дворе только и разговоров, что об этом. Сотни чиновников подали прошение, умоляя императора проявить благоразумие, не начинать войну и не обрекать народ на страдания. Но были и те, кто с пеной у рта поддерживал государя, заявляя, что Цзиньцян ни во что не ставит Великую Цзинь, мало того что не знает своего места, так еще и посмел оскорбить их принцессу в день ее свадьбы. Принцесса — драгоценность, разве могут такие ничтожества так с ней обращаться?

Император был безутешен, и его горе казалось искренним. Он с трудом довел утреннюю

аудиенцию до конца и поспешно удалился. Его шатающаяся походка заставила чиновников, выступавших за мир, прикусить языки. Девушку выдали замуж, а в ту же ночь она погибла, и тело ее не было предано земле. Император не ест и не пьет, мучимый горем, на что больно смотреть. Но ведь дочь императора — человек, а народ Великой Цзинь — тоже люди. Нельзя же жертвовать целым лесом ради одной веточки. Однако просить его снова они не смели. Это было мучительное противоречие.

— Генерал Ди, как вы думаете, что нам делать?

Канцлер Чэн Моужэнь, который всегда был в контрах с Ди Фэном, впервые отбросил разногласия и, тяжело вздыхая, шел рядом с ним. Разумеется, он был сторонником мира. Лучше сесть и всё обсудить, чем браться за оружие. Стоит начаться войне — и конца ей не будет лет десять. А кто пострадает? Все знают — народ и солдаты на границе. Война — это реки крови и тысячи трупов, чего никто не хочет видеть. Но даже если не хочешь, враг уже у ворот. Если он и дальше будет настаивать на мире, его сочтут слабаком, а Великую Цзинь — легкой добычей.

Поэтому Чэн Моужэнь был в смятении. Он хотел с кем-то посоветоваться и решил, что великий генерал Ди — самый подходящий человек. Хотя Ди Фэн был грубоват и необуздан, он держал в руках военную власть, и решение о войне зависело от него.

Ди Фэн, будучи высокопоставленным сановником, тоже не горел желанием воевать. Война — это бесконечные беды. К тому же, большая часть мужчин страны уже призвана на границу, а дома остались лишь старики, женщины и дети.

Он тяжело вздохнул:

— Канцлер, вопрос о войне решаем не мы. Если правитель Цзиньцяна вознамерился развязать войну, мы обязаны принять бой. Эту войну не избежать.

— Но неужели нет способа уладить всё мирно?

— Какой тут мир? Разве что мы склоним головы перед этим мелким государством, будем платить дань и признаем неомощность Великой Цзинь. Но вы сами верите, что это возможно? Если мы унизимся, то не только Цзиньцяна будет смотреть на нас волком, но и соседние великие державы начнут провокации. Если мы покажем слабость, последствия будут катастрофическими. Соседние мелкие страны решат, что мы легкая добыча, и будут постоянно нападать. Разве так страна может развиваться? К тому же, солдаты — тоже люди, нельзя же играть их жизнями.

Нужно один раз проучить их так, чтобы они лет пятьдесят носа не показывали!

Чэн Моужэнь понимал, что генерал прав. Он просто не хотел терять надежду. Но после этих слов на сердце стало еще тяжелее.

С глубоким вздохом они молча шли дальше, лишь эхо шагов сопровождало их. Только у ворот дворца Чэн Моужэнь нашел в себе силы поклониться:

— Генерал Ди, эта война ляжет на ваши плечи. Надеюсь, вы сможете как можно быстрее и с наименьшими потерями одержать победу.

Ди Фэн также сложил ладони в ответ:

— Я сделаю всё, что в моих силах.

Больше ничего он обещать не мог.

После расставания с Чэн Моужэнем Ди Фэн сел в карету. Когда они проезжали восточные ворота, он вдруг постучал по стенке:

— Стой! Сверни к городским воротам.

Слуга развернул карету, и она, скрипя колесами, подъехала к воротам. Ди Фэн выбрался наружу и поднял взгляд на голову, висевшую на стене. Кровь на лице уже засохла, оно казалось бледным и пугающим, глаза были широко раскрыты, но в них давно не было жизни. Владелец этой головы, вероятно, и подумать не мог, что эта поездка станет для него последней. Он не ожидал, что Великая Цзинь действительно посмеет казнить посла.

Ди Фэн тоже не ожидал. Он просто брал отгул из-за болей в пояснице, а этот глупый император в одиночку, никого не слушая, приказал отрубить голову послу и выставить ее на всеобщее обозрение. Император в последнее время стал раздражительным, никого не слушает и делает всё по-своему. Неужели он постарел или же всегда был посредственностью?

Если бы в свое время на трон взошел седьмой принц... Но, увы, он погиб во время того дворцового переворота.

В голове Ди Фэна царил хаос. Вспомнив о перевороте, он горько усмехнулся, потрянул головой, отгоняя непрошенные мысли.

<http://bllate.org/book/20963/2127246>